

ИСТОРИЯ РОССИИ

УДК 262.3(470.331)“1917/1918”

ТВЕРСКАЯ ЕПАРХИЯ В 1917–1918 ГГ.: ИСПЫТАНИЕ РЕВОЛЮЦИЕЙ¹

Т. Г. Леонтьева

Тверской государственный университет, кафедра отечественной истории

В статье на материалах Тверской епархии рассматриваются перемены во внутрицерковной жизни под влиянием революции 1917 г. Особое внимание уделяется вопросу о природе конфликтности между православными священниками и крестьянством.

Ключевые слова: Тверская епархия, революция 1917 г. православное духовенство, епархиальный съезд, епископ Серафим (Чичагов).

«Борьба против религии – борьба за социализм» – этот ленинский лозунг стал основной составляющей политики советской власти в отношении всех конфессий полиэтничной России. Согласно законодательству молодой советской республики, к его воплощению в жизнь большевики приступили в начале 1918 г. после обнародования 23 января (5 февраля по н. ст.) декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви».

Повсеместно на партийных конференциях принимались решения «принять все меры к проведению в жизнь» постановления рабоче-крестьянского правительства. Принято считать, что вслед за этим развернулась «смертельная схватка двух идеологий». Однако за очевидным конфликтом идеологий стоял конфликт мировоззрений – куда более многомерный, чем членение общества на православных, атеистов и иноверцев, по-разному воспринимающих «очередные задачи советской власти». Нельзя не замечать, что маховик репрессивной политики стал раскручиваться гораздо раньше, что на первых порах придавала ему ускорение, увы, не власть, а «рядовые» россияне, по преимуществу православные. Как новая религиозная политика эволюционировала от претензий к притеснениям, затем – к гонениям и далее – репрессиям, рассмотрим на примере Тверской епархии, где православные составляли подавляющее большинство².

* * *

¹ Исследование поддержано Российским гуманитарным научным фондом и администрацией Тверской области, проект № 11-11-69006 а/Ц.

² По неполным подсчетам к 1918 г. в Твери и губернии (13 городов и уезды) действовали 115 православных храмов, кирха, мечеть и костел, единоверческая церковь, а также 16 старообрядческих молитвенных домов, 3 молитвенных дома евангельских христиан, 6 синагог и «еврейских молельных домов». По ряду городов и уездов данные отсутствуют // Государственный архив Тверской области (далее – ГАТО). Ф. Р-291. Оп. 2. Д. 105. Л. 6–22.

Неспокойно в Тверской епархии стало ещё на переходе от Февраля к Октябрю, когда реализовывалось «право на свободу» в церковной и светской среде. В своё время Тверской архиепископ Серафим (Чичагов) предвидел негативные последствия наплыва в деревню солдат, озлобленных войной и казармой. Церковный приход и приходские советы представлялись ему «единственными рамками», в которых можно было «сдерживать размахавшихся в штыковых боях» солдат³. Его усилия оказались тщетными, но прогнозирование будущего – пророческим. Сразу после Февраля начались земельные скандалы крестьян со священниками. Всё чаще отбирались земли не только у монастырей, но и у церковных причтов. Обилие захватов часто провоцировалось местными Советами, которые исходили из того, что вопрос о первоочередном переходе церковных и монастырских земель «в народное достояние» предрешен правительством.

Приходское духовенство не только не могло блокировать нарастающее бунтарство, обозначить нравственные ориентиры деморализованному войной народу, но и обнаружило собственную дезориентированность вопреки призывам владыки Серафима принять «государственный переворот, сохранять спокойствие и подчиниться новой власти, как данной Богом»⁴. На весенних епархиальных съездах выявился весь спектр опасений низового духовенства. В марте-апреле 1917 г. на съездах, где наряду с церковным людом заседали миряне и принимали решения, в соответствии с которыми продолжалось смещение неудобных архиереев, а избираемые епархиальные советы начали ограничивать епископскую власть. В принципе идея свободы совести сама по себе у многих не вызывала возражений, но при проведении ее в жизнь РПЦ оказывалась первой среди равных, а её служители лишались привилегий и лидерства.

На многих епархиальных съездах стали выноситься резолюции о недоверии архиереям. Почти повсеместно их власть ограничивалась епархиальными советами или комитетами представителей клира и мирян. Епархиальные съезды вырабатывали планы преобразования церковного управления, которые тут же, вполне в духе времени, пробовали провести в жизнь.

Но в Тверской епархии этот принцип дал сбой: епископ Серафим (Чичагов) – человек дворянского происхождения и офицерской выучки – представлял собой редкий тип принципиального и независимого иерей-консерватора. Не без его участия принималось решение созвать экстренный съезд духовенства 20 апреля 1917 г. Кроме неотложных дел, связанных с управлением на местах, следовало обсудить вопрос о замене духовной консистории епархиальным советом. Собственноручно владыка начертил программу работы съезда:

«Программа экстренного епархиального собрания.

1. О положении Тверской поместной церкви при новых условиях ее жизни.

³ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 796. Оп. 442. Д. 2793. Л. 5.

⁴ ГАТО. Ф. Р-1998. Оп. 1. Д. 1. Л. 64.

2. Избрание членов епархиального совета.
3. О содержании духовных училищ.
4. Об открытии в Твери пастырской школы (вместо одной из семинарий)
5. О реформе духовных учебных заведений.
6. О размере жалованья причтам, членам епарх[иального] Совета, благочинным.
7. Избрание членов ревизионного Комитета.
8. Об учреждении должности викария»⁵.

Он же предлагал кандидатуры на избрание в епархиальный совет:

Прот[оиерей] Алексей Плетнев, б[ывший] епарх[иальный] Наблюдатель

Прот[оиерей] Вас[илий] Некрасов, смотритель Стар[ицкого] Д[уховного] У[чилища]

Прот[оиерей] Иоанн Морковин, инспектор Ржевского Е[пархиального] У[чилища]

Свящ[енник] Леонид Комаров, быв[ший] Зубцовский уездный наблюдатель.

Иван Александрович Иванов, быв[ший] Управляющий Тв[ерской] Каз[енной] Палатой⁶.

Серафим призывал духовенство вести собрание осторожно, чтобы «не могли проникнуть на Собрание депутаты... не соответствующие по своему настроению и направлению»⁷, церковным канонам. Мог ли он ожидать, что одним из первых решений станет требование к нему оставить пост правящего архиерея. «Действие не честное, и по отношению ко мне вызывающее, неприятное, а главное в высшей степени вредное для епархии. Не могу признать и вообще выборы в совет правильными, сознательными и обдуманными»⁸ – парировал Серафим и отказался признать легитимность решений взбунтовавшихся подчиненных. Отказ владыки покинуть кафедру вызвал раскол среди тверского духовенства, соответственно раскололось и мнение мирян: лишь немногие из них встали на его сторону⁹.

На протяжении всего 1917 г., а затем в течение гражданской войны он неустанно обличал «церковную демократизацию» и настаивал: нельзя допускать мирян к управлению церковью – это превратит съезды в политические митинги; народ не может обладать такой же властью в делах церковных, как в делах светских – подобно тому, как Христос выбирал себе апостолов, церковные иереи, а не паства, должны назначать достойных

⁵ ГАТО. Ф. Р-1998. Оп. 1. Д. 301. Л. 25.

⁶ Там же. Л. 26.

⁷ Там же. Л. 21 об.

⁸ Там же. Д. 1. Л. 27–29.

⁹ См.: ГАТО. Ф. Р-1998. Оп. 1. Д. 493. Л. 22–25; Д. 301. Л. 21 об.–23; Д. 1. Л. 64–64 об. Подробнее см.: *Леонтьева Т. Г.* Вера и прогресс. Православное сельское духовенство России во второй половине XIX – начале XX вв. М., 2002; *Рогозный П. Г.* Церковная революция 1917 года: Высшее духовенство Российской церкви в борьбе за власть в епархиях после Февральской революции. СПб., 2008.

пастырей. Понимание свободы как вседозволенности, доказывал он, противоречит существу веры Христовой.

Уже весной 1917 г. стало ясно, что Синоду придётся закреплять результаты «церковной революции» на местах. В начале мая было санкционировано более активное участие духовенства и паствы в церковном управлении, были упорядочены действия церковно-епархиальных и благочиннических советов. В середине мая было высшей церковной властью дозволяется избирать в духовные консистории не только священников, но и церковнослужителей и мирян. Наконец, во второй половине июня Синод утвердил временное положение о приходе, наделив его статусом основной демократически самоуправляющейся ячейки церкви¹⁰. Но конфликты с архиереями продолжались, духовенство, особенно сельское, отдалённое от губернского центра, пребывало в состоянии неуверенности.

Результатом стали добровольные и вынужденные отставки священников. Никто не отменял церковного права, но уже с февраля 1917 г. нормы его нарушались повсеместно. Некоторые священно- и церковнослужители при получении известия об отречении императора от власти стали брить бороды, стричь волосы, носить светскую одежду (на манер протестантских пасторов), небрежно, наспех вести службы, а то и вовсе бросать приходы¹¹. Некоторые современники событий и исследователи в связи с этим заявляют, что «жизнь священника старого образца в общине становилась невыносимой...»¹². Представляется, что стоит посмотреть на происходящее шире: священники в принципе не были готовы к активизации паствы, а потому «подстраивались» к ней.

Всё более очевидной становилась ещё одна опасность, связанная с деятельностью Тверской духовной семинарии. В рассматриваемый период на первый план выступала продовольственная проблема – и без того актуальная для семинаристов. Всю её остроту можно почувствовать, сравнив записи в приходно-расходных книгах: в довоенные годы в кладовые Тверской семинарии поступало 87 наименований продуктов (включая несколько сортов мяса, рыбы, масла, грибов, овощей), к началу 1917 учебного года – всего 11. Ничтожно мало получали керосина и спичек, мыла, соды и свечей и вовсе не было. Не удивительно, что в конце учебного года последовала вспышка инфлюэнцы и рост желудочных заболеваний¹³.

Практически прекратились ассигнования из столицы, денег для выплаты жалованья преподавателям не стало. За счёт епархиальных средств выдавались «военные прибавки», но рассчитывать на стабильность их поступления в условиях всеобщей неразберихи не приходилось. Нарушая веками сложившийся этикет отчаявшиеся администраторы напрямую обращались за помощью и в Учебный комитет Синода, и к начальству Москов-

¹⁰ Церковные ведомости. 1917. № 18–19. С. 111–113.

¹¹ См.: ГАТО. Ф. Р-598. Оп. 1. Д. 641.

¹² См.: *Евлогий, митрополит*. Путь моей жизни. М., 1994. С. 14–16. *Цытин В., протоиерей*. История Русской Православной Церкви. 1917–1990. С. 14; *Поспеловский Д. В.* Русская православная церковь в XX веке. С. 38–39.

¹³ ГАТО. Ф. 575. Оп. 1. Д. 1553. Л. 9–12, 97.

ского Учебного округа. Так, из Кашинской семинарии 25 октября 1917 г. телеграфировали в Москву: «Просьба выдать надбавки. Положение преподавателей критическое. Умоляем экстренно»¹⁴.

Осенью 1917 г., чтобы хоть как-то поддержать жизнь умирающей школы, в нескольких благочиннических округах Тверской епархии провели подписку в пользу нуждающихся воспитанников. Но средств хватило лишь на сокращенный учебный год – с разрешения Синода 1917–1918 учебный год длился с 1 ноября по 1 марта¹⁵.

К зиме дефицит продовольствия приобрёл катастрофические масштабы. На духовной жизни населения это сказывалось подчас неожиданным образом. Так, правление Тверской духовной семинарии просило архиепископа Серафима дозволить во время Рождественского поста мясной стол «из-за дороговизны и недостатка хлеба». Муки, которую обычно посылали родители семинаристов из деревни, также не хватало, а порой она просто не доходила до получателей – её мог «реквизировать» кто угодно. В результате «в порядке исключения» епархиальная власть – разумеется, с согласия Синода – сделала послабления для постников¹⁶.

Факты свидетельствуют, что обнищание Тверской семинарии – не самый крайний вариант развития событий. Духовные школы всей России доживали последние дни: 11(24) декабря 1917 г. декретом советской власти любые церковные училища, семинарии и академии, передавались в ведение Комиссариата просвещения. Религиозному образованию, а равно и духовному сословию наносился сокрушительный удар.

Серьезный кризис переживала и православная вера. Случаи девиантного (с точки зрения христианской морали) поведения участились. Тверская губерния особо отличалась по части всевозможных бесчинств. Одна из местных газет в декабре 1917 г. приводила следующую корреспонденцию: «Вернувшиеся с фронта солдаты совсем осатанели и все поставили у нас вверх дном. К солдатам присоединились все тёмные элементы деревни и теперь совсем не стало в деревне житья не только буржуям, а и самим крестьянам. Всюду кражи, грабежи, порубки, захваты, поджоги, убийства...»¹⁷ Перед духовенством ещё до принятия большевистских законов 1918 г. встала элементарная задача – выжить. В ряде случаев священники добровольно отказывались от земли – полностью или частично. Между тем, ни государство, ни церковное ведомство не располагали капиталами для их поддержки. Церковные банковские счета со временем оказались заморожены.

Сельский мир, со своей стороны, оказался перед выбором: либо закрытие прихода, либо содержание причта. Отказаться от церковной ритуальстики могли немногие, оставалось – платить священнику. Приходская

¹⁴ ГАТО. Ф. 575. Оп. 1. Д. 1552. Л. 9–12, 97.

¹⁵ Там же. Д. 1550. Л. 35; Д. 1552. Л. 6.

¹⁶ Там же. Д. 1552. Л. 167, 187.

¹⁷ Цит. по: Ямицкий С. В. «Человек с ружьем» и крестьянство Тверской губернии в 1917 году // История крестьянства России. СПб., 2000. С. 97.

община приобрела право выдвижения кандидатуры настоятеля и давала письменное обязательство-приговор, где обозначался размер подворного сбора на содержание храма, причта, уплату треб¹⁸. Как и ранее, крестьяне хотели «хороших» попов – говорящих «мужицкую правду», обучающих «полезному» и не берущих денег. Описанные в литературе многочисленные случаи изгнания священников из приходов, склок из-за треб, закрытия церквей и даже актов глумления над иконами¹⁹, имели место и в тверских приходах. Рассмотрим перипетии одной весьма репрезентативной ситуации. 19 декабря 1917 г. следственная комиссия Военно-Революционного Комитета Ржевского Совета, состоявшая из представителей социал-революционеров и кадетов предписала о. Константину Вишнякову, «как вредному для революции священнику» в течение 48 часов удалиться с места службы в Жуковском приходе, а его дело передать в революционный суд²⁰. Это решение последовало в ответ на постановление (подписанное днем ранее) Жуковского волостного революционного комитета, где священник обвинялся в открытой контрреволюционной агитации. Активисты из комитета утверждали, что Вишняков «открыто прямо в церкви перед прихожанами порицал народную власть в лице Советов, называл большевиков преступной бандой и категорически заявил, что не пойдёт с народом рука об руку, внушал народу, что ему без царя, как стаду без пастуха, не обойтись и восстановил одну реакционную часть прихода на другую, разделявшую программу большевиков, что чуть-чуть не привело к кровавым столкновениям». Кроме того, ему вменялось сокрытие запасов хлеба, призывы разгромить местный РК, а также сговор с «реакционными элементами», что подтверждал целый ряд свидетелей²¹. Угроза ареста заставила Вишнякова покинуть приход.

После его изгнания прихожане Троицкой церкви один за другим собирают сельские сходы и практически единогласно требуют возвращения священника, чтобы «не лишать верующих молитвы»²². Последовало разбирательство, в ходе которого выяснилось, что в основе инцидента лежал давний конфликт священника и некоего прихожанина, председателя потребительского общества Кочерова, который в своё время растратил общественные деньги, а пайщики, опираясь на авторитет священника, требовали их вернуть. После революции, «с открытием свободы», обиженный Кочеров вошёл в местный совет и стал преследовать попа «как приверженца старого режима», используя при этом безотказно действующий метод доносительства²³. Крестьяне, окончательно сбитые с толку, стали отказываться от своих показаний без какой-либо убедительной мотивации: «Ничего не было и я не видал ничего», «Я не видал и не слышал, как священник Вишняков научал состоятельных граждан прятать хлеб, и я не видал, как свя-

¹⁸ См.: ГАТО. Ф. Р-641. Оп. 1. Д. 608.

¹⁹ Емелья Л. И. Крестьяне и церковь накануне Октября. Л., 1976. С. 72–91, 149–150.

²⁰ ГАТО. Ф. Р-1998. Оп. 1. Д. 252. Л. 7.

²¹ Там же. Л. 9–9 об.

²² Там же. Л. 11, 21, 23, 24

²³ Там же. Ф. Р-1998. Оп. 1. Д. 252. Л. 14.

щенник Вишняков вносил смуту в народ», «Я не был свидетелем той истории, как священник Вишняков открыто говорил в церкви, что он не признаёт народную власть» и т. п.²⁴ Вдруг вновь что-то «припоминали» и в итоге это разбирательство тянулось до января 1919 г., а затем было закрыто «за отсутствием факта преступления»²⁵. По мере обострения социальной ситуации отношение к священникам только ухудшалось.

* * *

После событий октября 1917 г. интересы священников и части пасты и вовсе разошлись. 23 января 1918 г. последовал декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви. Этот документ лишал церковь прав юридического лица, запрещал владение любым имуществом и денежными средствами, ставил вне закона открытие каких-либо учебных заведений, кроме предназначенных для подготовки священнослужителей, а также преподавание Закона Божьего во всех школах, включая воскресные. Все имущество, включая храмы, отбиралось у Церкви передавалось в безвозмездное арендное пользование мирянам.

Наступление власти на церковь велось по разным линиям. 17 августа 1918 г. в Тверской губернии были закрыты все епархиальные духовные училища²⁶. При этом демонстрировалась грубая сила – в г.Бежецке патрули Красной гвардии разгоняли гуляющих на масленицу выстрелами в воздух²⁷. Уже в начале 1918 г. помимо обычных «контрибуций» для духовенства начались конфискации «церковных излишков» из храмов (которые, заметим, уже находились в пользовании церковных общин). Между тем, инструкция о порядке изъятия подоспела лишь к ноябрю этого года²⁸.

«Творчество масс» поначалу опережало большевистское «законотворчество»: в Бежецке реквизировали в пользу местного Совета квартиру соборного протоиерея; в Ниловой пустыни конфисковали самовар; из Волговерховского Ольгинского монастыря вывезли запас дров на зиму²⁹. Когда священник Н. Козырев (с. Кезедра. Парьевская волость Вышневолоцкий район) отказался допустить в церковь комиссию по переписи церковного имущества, объясняя свою дерзость тем, что ценных вещей в храме нет, комиссия использовала это как повод разграбить церковь³⁰, а Вышневолоцкая следственная комиссия квалифицировала действия настоятеля как антисоветскую агитацию и передала дело в Комиссию обвинителей при Тверском ревтрибунале³¹. Каждое неосторожное слово расценивалось теперь как

²⁴ ГАТО. Ф. Р-1998. Оп. 1. Л. 16–17.

²⁵ Там же. Д. 252. Л. 1.

²⁶ Там же. Ф. 160. Оп. 1. Д. 22450. Л. 7.

²⁷ (Постников И. Н.) «Насколько дешево стала цениться жизнь». Дневник бежецкого священника И.Н. Постникова (Далее – *Постников И. Н. Дневник*) // Источник. 1996. № 4. С. 12, 15.

²⁸ ГАТО. Ф. Р-641. Оп. 1. Д. 1414. Л. 1–4.

²⁹ *Постников И. Н. Дневник*. С. 14.

³⁰ ГАТО. Ф. Р-1998. Оп. 1. Д. 99. Л. 8.

³¹ ГАТО. Ф. Р-1998. Оп. 1. Л. 19.

«проповедь контрреволюционного характера». Пострадавшим оставалось лишь горестно вздыхать о том, что «вера и религия разрушаются злобой людской»³². А те, кто совсем недавно рассуждали о русской святости, вынуждены были признать: «В России была религия и религиозность, но в ежедневную жизнь как дисциплинирующее начало религия не проникала»³³.

За происходящим часто таилась корысть. Крестьяне направляли в монастыри на постой красногвардейцев, но предварительно тащили оттуда всё способное сгодиться в хозяйстве. Кое-где они демонстративно не пускали священников в продовольственные лавки³⁴. Распространялись всевозможные формы бытового святотатства, участились случаи краж из церквей³⁵.

Летом 1918 г. в нескольких уездах Тверской губернии прокатилась волна арестов священников – это было связано с нарастанием нервозности большевиков после левозероковского выступления. Арестованным, как правило, не предъявляли обвинений и через две-три недели выпускали по прошению прихожан³⁶. Так в делопроизводство политической следственной комиссии Старицкого следственного отдела попало дело «о гражданах села Барыкова, Иверовской волости, священнике Константине Александровиче Поддубском, 29 лет, обвиняемом в устройстве местного церковно-приходского совета с контрреволюционной целью». Суть его заключалась в следующем: 24 января 1918 г. по инициативе упомянутого священника крестьяне окрестных деревень собрались для обсуждения вопроса об устройстве своего церковно-приходского совета, «который бы в религиозно-нравственном отношении охранял интересы церкви, прихожан и причта»³⁷, что предусматривалось действующим законодательством. Возражений не последовало, но они возникли при обсуждении другого, более значимого для крестьян вопроса – о земле, на которой располагались дом и хозяйство причта (!). Одни категорически настаивали: земля – общенародная, другие признавали ее церковной собственностью и предлагали подождать «особых распоряжений»³⁸. Недовольные граждане покинули собрание и обратились к уездному начальству за помощью. В Старицкий совет крестьянских и солдатских депутатов поступили две анонимных заявления. В первом, подписанным «общество», и составленном довольно грамотно, по па уличали в незаконной процедуре ведения собрания и указывали на привлечение к созданию приходского совета «всех контрреволюционеров»³⁹. Второе – безграмотное, бессвязное, без подписи, где говорилось, что «бывший обвокат Егор Степанов Громов» и «свещенник» развели в селе «черносотенское

³² Там же. Ф. 160. Оп. 1. Д. 22432. Л. 20 об., 34 об.

³³ Струве П. Б. Национальный эрос и идея государства // Струве П. Б. *Patriotica*. Политика, культура, религия, социализм. М., 1997. С. 417.

³⁴ ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 22408. Л. 3; Д. 22432. Л. 24 об.

³⁵ Там же. Д. 22452. Л. 1–2, Ф. Р-163. Оп. 2. Д. 49. Л. 8.

³⁶ Там же. Ф. 160. Оп. 1. Д. 22446. Л. 1–2; Д. 22449. Л. 2.

³⁷ Там же. Ф. Р-1998. Оп. 1. Д. 109. Л. 3.

³⁸ Там же. Л. 3.

³⁹ Там же. Л. 12.

гнездо» и угрожали, что «большевиков довить будут»⁴⁰. Укоряли священника и «солдаты революции», проживавшие в то время в Барыкове, за то, что он не совершил молебен в честь «павших за свободу всего крестьянства»⁴¹. Последовало длительное дознание, в ходе которого обнаружилось противостояние крестьян, конфликтовавших из-за земли и леса. Сам священник вину свою не признал, свидетели (его сторонники) давали «правильные» показания. Дознаватели, а вслед за ними и коллегия Тверского ревтрибунала, не способные добраться до истины, предпочли закрыть дело «за отсутствием достаточных фактов для обвинения»⁴².

Вместе с тем уже к этому времени среди большевистских функционеров (на верхних этажах власти и на местах) распространилось устойчивое убеждение, что крестьянскими выступлениями наряду с офицерами, левыми эсерами и «кулаками» руководят священники»⁴³.

Немалую помощь большевикам оказывали те, кто охотно доносил о «шептунах на советскую власть». «Сочувствующие власти» далеко не всегда исходили из идейных соображений, потому в иных случаях «контрреволюционное дело» оборачивалось конфузом. Так, на первом заседании Тверского ревтрибунала 7 апреля 1918 г. рассматривался вопрос об «антисоветской деятельности» священника И. И. Ильигорского. Выяснилось, однако, что тот, находясь в бане, позволил себе расхожую антисемитскую брань. Приговор оказался оправдательным⁴⁴. Иногородним отделом ВЧК было рассмотрено похожее дело о «кулацком» восстании в Тверской губернии в декабре 1918 г. Следствие показало, что руководили им местные священники, которые оказались под следствием⁴⁵. Но дальше больше: «мягкие» решения заменили на жестокие приговоры, так, Калязинская Чрезвычайная комиссия, заподозрив дьякона Николая Ивановича Завьялова в контрреволюционной деятельности, приговорила его к расстрелу⁴⁶.

Священникам приходилось обороняться и от богоборчества власти, и от разнузданности социальных отщепенцев. Летом 1918 г. даже в сельской церкви можно было услышать по ходу проповеди такие замечания: «Будет тебе, отец, морочить народ!», а наряду с призывами уничтожить «всякую буржуазию» прозвучали и «атеистические»: «Долой попов!», «Бей попов!». И хотя это (здесь можно поверить свидетельствам священников) не находило массового сочувствия⁴⁷. Семена антирелигиозной нетерпимости были брошены в подготовленную почву.

⁴⁰ ГАТО. Ф. Р-1998. Оп. 1. Д. 109. Л. 13–14.

⁴¹ Там же. Л. 16.

⁴² Там же. Л. 2.

⁴³ *Осипова Т. В.* Российское крестьянство в революции и гражданской войне. М., 2001. С. 161.

⁴⁴ Известия Тверского губернского исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. 1918. № 38 (16 апреля). С. 2.

⁴⁵ Еженедельник чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией. 1918. № 1. 22 сентября.

⁴⁶ ГАТО. Ф. Р-1998. Оп. 1. Д. 374. Л. 39.

⁴⁷ *Постников И. Н.* Дневник // Источник. № 3. С. 36.

Скучно-причудливый быт, неизвестность и опасения за будущее подталкивали представителей духовенства к расцерковлению. Поскольку новой власти не хватало людей элементарно грамотных, церковнослужителей соблазняли канцелярской работой в волостных и уездных исполкомах (из всех советских учреждений исключение составляли органы милиции. В отчётах о политической обстановке в уездах встречаются примечания: «священно- и церковнослужителей среди милиционеров нет»)⁴⁸. Некоторые священники и вовсе не выдерживали: прокатилась целая череда добровольных и вынужденных отставок. Основной мотив снятия сана обывательски умудренно был сформулирован одним из заявителей: «... Уж очень много неприятностей и в будущем хорошего ничего не предвидится»⁴⁹.

Активная часть верующих не оставалась безучастной к подобным бесчинствам. Повсеместно стали возникать союзы и братства верующих. Так, в Тверской губернии возникли было Новоторжский центральный комитет советов общин верующих, Союз приходских советов в Твери, Ржевский пастырско-приходской союз («Братство Святого Креста Господня» под руководством протоиерея Морковина)⁵⁰. Но власти скоро запретили подобные объединения под предлогом, что они теряют свой приходской характер и превращаются в организации политические.

* * *

В первые годы советской власти остро напомнила о себе ещё одна застарелая болевая точка церковной жизни – соотношение прав монашеского и приходского духовенства. Монашествующие, некогда имевшие привилегии, теперь сами потребовали наделить всех равными правами со священниками – в первую очередь применительно к возможности приходского богослужения. В роли инициаторов такого «равноправия» выступили насельники тверских монастырей, за ними последовали петроградские⁵¹. Дело в том, что регулярное служение гарантировало хоть какой-то доход, что стало не лишним. Но решить вопрос в пользу монашеских оказалось непросто – нарушалась традиция. Да и монастыри переживали трудности: к примеру, тверская губернская власть, лишив обители источников существования, требовала платы за землю и здания, донимала чрезвычайными налогами, вроде «в возмещение городских расходов по уборке тропов солдатских лошадей»⁵².

Надо заметить, что монастырской братии в Тверской губернии было в избытке. К 1917 г. здесь действовало 15 мужских и 15 женских монастырей⁵³. Теперь они и их обители особенно раздражали. Крестьяне отбирали земли, принадлежавшие монастырским общинам, захватывали покосы,

⁴⁸ См.: ГАТО. Ф. Р-1829. Оп. 2. Д. 43.

⁴⁹ Там же. Ф. Р-641. Оп. 1. Д. 811. Л. 1.

⁵⁰ См.: Там же. Ф. Р-641. Оп. 1. Д. 1588. Л. 94; Ф. Р-1698. Оп. 2. Д. 1. Л. 22; Д. 96. Л. 6, 46; Ф. Р-1998. Оп. 1. Д. 1. Л. 39–39 об. Л. 42 об.

⁵¹ Там же. Ф. 160. Оп. 1. Д. 22403. Л. 1–2.

⁵² См.: Там же. Д. 22432.

⁵³ ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 22315. Л. 2 об.–5.

лишая тех, кого совсем недавно называли «молельниками за землю русскую», средств к существованию. Например, в одном из источников сообщается, что у Кашинского Сретенского монастыря в 1918 г. «изъяты земли, леса, все лучшие корпуса с кельями, весь лесной материал... пчеловодческая пасека, весь сельскохозяйственный инвентарь, все запасы продовольствия...» Сходным образом обошлись с обитателями Шестаковского монастыря⁵⁴. Понятного рода оскорблениям подвергались монахини⁵⁵. Впрочем, тверские власти в рассматриваемый период вели себя по отношению к монастырям относительно мягко – в других регионах они прямо таки неистовствовали. Известно, что уже во второй половине 1918 г. было закрыто большинство монастырей в Олонецкой, Вятской, Костромской губерниях⁵⁶. В Тверской, как и в Тульской, губернии решение губисполкома о закрытии монастырей последовало только в 1920 г.⁵⁷ Основанием для военно-коммунистических набегов обычно становились слухи о «нетрудовой» жизни насельников, помноженные на известного рода подозрительность. Соответствующие настроения всё глубже укоренялись в обществе, оказывая деморализующее влияние и на духовенство.

Общественный настрой провоцировал появление невиданных ранее форм неканонического поведения в обителях. В 1919–1920 гг. настоятели тверских монастырей (в том числе женских) жаловались на спекуляцию, ношение светского платья, самовольное снятие сана насельниками, не говоря уже о случаях вступления в брак⁵⁸. Отдельные монастыри оставались без священнослужителей и на должности псаломщиков назначались послушницы⁵⁹.

Всё происходившее спровоцировало процесс поисков новой религиозности, как на концептуальном, так и на организационном уровне. Опасаясь полного запрета привычного культа, верующие иной раз утаивали свои конфессиональные предпочтения, а иногда устремлялись в иное религиозное пространство. Анализ этого феномена на материалах Старицкого уезда Тверской губернии показывает, что вновь создаваемые общины (в традиционной терминологии – секты) придерживались в основном рационалистических установок, впитывая в себя элементы протестантских и реформаторских учений. Проследить механизм становления этой разновидности обновленчества сложно: неопиты и в самодержавной, и в советской России предпочитали не афишировать свои изменившиеся пристрастия – лишь крупные их объединения регистрировались в местных органах власти.

⁵⁴ *Кашеваров А. Н.* К вопросу о судьбе православных монастырей в первые годы Советской власти // *Нестор. Ежеквартальный журнал истории и культуры России и Восточной Европы.* СПб.; Кишинев, 2000. № 1. С. 340.

⁵⁵ ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 22373. Л. 8–9, 11–13, 15, 19; Ф. Р-163. Оп. 1. Д. 240. Л. 237. Л. 65.

⁵⁶ *Алексеев В. А.* Иллюзии и догмы. М., 1991. С. 55.

⁵⁷ *Козлов В.* Судьбы мощей русских святых // *Отечество. Краеведческий альманах.* М., 1991. Вып. 2. С. 148.

⁵⁸ ГАТО. Ф. Р-641. Оп. 1. Д. 546. Л. 1–3; Д. 125. Л. 1; Д. 521. Л. 1–1 об.; Д. 537. Л. 1; Д. 540. Л. 1.

⁵⁹ Там же. Д. 794. Л. 23 об.

Самой многочисленной в Старицком уезде была община Евангельских христиан – 32 человека, проживавших в восьми сопредельных волостях. Председателем общины был уроженец Высоковской волости Митрофан Козлов, крестьянин, длительное время проработавший на Балтийском заводе в Петербурге. Там он освоил грамоту и, судя по всему, обстоятельно потрудился над постижением смысла христианского учения. По возвращении на родину он создал своего рода кружок, объединив в целом благополучных, достаточно грамотных односельчан для изучения Библии. Примечательно, что на его проповедь отозвалась и молодёжь⁶⁰. Зарегистрирована эта община в январе 1918 г., но наиболее активно присоединялись к ней верующие в 1919–1920 гг. Тяготение к сектантству было характерно для всей губернии⁶¹ – возможно, в связи с очередным ростом эсхатологических настроений, которым «стало тесно» в рамках старой веры.

Деятельность евангелистов включала в себя также и борьбу с пьянством. Предпринимались попытки наладить хозяйственную жизнь в соответствии с трудовой этикой, напоминающей протестантскую – вводились новые севообороты, использовались достижения современной агротехники, внедрялись ремесла и промыслы. Миссионерство строилось по принципу: «от города к городу, от села к селу, от деревни к деревне, от человека к человеку». Старицкие евангелисты входили в состав Тверского отдела Всероссийского союза евангельских христиан, участвовали в регулярных епархиальных съездах⁶².

Кроме того, в уезде действовала секта Библейских христиан, несколько семей придерживались учения баптистов, сохранялись и очаги старообрядчества. Число сектантов в губернии росло и к концу 20-х гг. (по официальной статистике) достигло 5 тыс.⁶³

Заключая сказанное, следует отметить, что процессы, происходившие в Тверской епархии, были противоречивы. Обновление церкви и веры, которого жаждали многие до революции, оборачивались их стихийным разрушением. Серьёзные потрясения обычно либо сплачивают общество, нейтрализуя в нём деструктивные тенденции через веру, либо, напротив, ускоряют его развал. До Февраля церковь поддерживала свой авторитет тем, что самодержавие обеспечивало внешнюю ограду «истинной» веры. После того, как ограда рухнула, требовались поистине чудеса самоотдачи для восстановления престижа церкви – восстановить связь с паствой теперь могли только настоящие подвижники. Как следует из истории Тверской епархии, их становилось всё меньше. Но это было только начало, главные испытания ещё ожидали и Тверскую епархию, и всю Россию.

Список литературы

⁶⁰ ГАТО. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 59. Л. 20.

⁶¹ См.: Там же. Ф. Р-478. Оп. 1. Д. 70. Зарубежные исследователи считают это общей тенденцией. См.: *Plaggenborg S. Volksreligiosität und antireligiöse Propaganda in der frühen Sowjetunion // Archiv für Sozialgeschichte. 1992. Bd. 32. S. 110.*

⁶² ГАТО. Ф. Р-1829. Оп. 1. Д. 15. Л. 14-44.

⁶³ Тверской центр документации новейшей истории. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4075. Л. 1.

1. *Алексеев В. А.* Иллюзии и догмы. М., 1991.
2. *Емелях Л. И.* Крестьяне и церковь накануне Октября. Л., 1976.
3. *Кашеваров А. Н.* К вопросу о судьбе православных монастырей в первые годы Советской власти // *Нестор*. Ежеквартальный журнал истории и культуры России и Восточной Европы. СПб.; Кишинев, 2000. № 1.
4. *Козлов В.* Судьбы мощей русских святых // *Отечество*. Краеведческий альманах. М., 1991. Вып. 2.
5. *Леонтьева Т. Г.* Вера и прогресс. Православное сельское духовенство России во второй половине XIX – начале XX вв. М., 2002.
6. *Осипова Т. В.* Российское крестьянство в революции и гражданской войне. М., 2001.
7. *Рогозный П. Г.* Церковная революция 1917 года: Высшее духовенство Российской церкви в борьбе за власть в епархиях после Февральской революции. СПб., 2008.
8. *Струве П. Б.* *Patriotica*. Политика, культура, религия, социализм. М., 1997.
9. *Plaggenborg S.* Volksreligiosität und antireligiöse Propaganda in der frühen Sowjetunion // *Archiv für Sozialgeschichte*. 1992. Bd. 32.

THE TVER DIOCESE IN 1917–1918: TEST BY REVOLUTION

T. G. Leontieva

The Tver State University, the chair of domestic history

In article on materials of the Tver (Tverskaja) diocese changes in internal life under the influence of revolution of 1917 are considered. The special attention is paid to a question of the conflict nature between orthodox priests and peasants.

Keywords: *Tver diocese, the revolution of 1917, orthodox clergy, the diocesan congress, bishop Serafim (Chigagov).*

Об авторе:

ЛЕОНТЬЕВА Татьяна Геннадьевна – Тверской государственный университет, кафедра отечественной истории, профессор, e-mail: kroneko@mail.ru

Статья поступила в редакцию 14.09.2012